

Тишина, покой — словно гладь безмятежного озера, в которой отражаются прибрежные ивы.

Вот только эта тишина была обречена не продлиться долго: за ней скрывалась куда более страшная буря.

Миролюбивая атмосфера была безвозвратно разрушена одним звонком.

Звонок поступил от Ло Первого.

— Задний двор обыскали вдоль и поперек, тела не нашли. Боюсь, Молодой господин сказала неправду.

Ло Первый выразился сравнительно мягко, но истинный смысл его слов сводился к тому, что Молодой господин только что солгала: она вовсе никого не убивала и тем более не сбрасывала тело на заднем дворе.

Ло Хань обладала невероятным умом — в одно мгновение она сопоставила все факты. Ло Юй так сильно ненавидела убийства, а преступник был ей хорошо знаком, поэтому она тем более не могла совершить расправу собственноручно. Оставалось лишь одно объяснение: она уже отпустила человека на свободу, а ей соврала намеренно, чтобы выиграть время и дать беглецу возможность уйти подальше.

— Прикажите перекрыть порт, обыскать все суда! Сегодня ночью ни одному кораблю не разрешается выходить в море!

Клан Ло монополизал порты этого города. Ло Хань была королевой судоходства, повелительницей морей, и все корабли в порту принадлежали ей безраздельно.

Ло Хань опустила телефон, и воздух вокруг мгновенно стал ледяным и удушливым — температура, казалось, упала сразу на добрый десяток градусов. Ло Юй тоже почувствовала этот жуткий холод и задрожала всем телом помимо своей воли.

— Все корабли в порту... принадлежат нашему клану? — пробормотала Ло Юй, бледная как полотно, словно ее поразил удар молнии. Она никогда прежде не догадывалась, сколь огромно влияние клана Ло.

Тогда... даже если Маленький ангел сбежал заранее, суда все равно вернутся по приказу Ло Хань, и тогда...

Ло Юй вдруг охватило смутное раскаяние: если из-за этого Си Ци попадет в руки Ло Хань, она никогда себе не простит.

Ведь она прекрасно знала Ло Хань. Стоит Си Ци, как члену Семнадцатого июля, угодить в ловушку, как ее ждет жестокая расправа — Ло Хань убьет ее самым изощренным способом, чтобы запугать остальных.

Впрочем, сейчас Ло Юй и сама находилась в положении Будды, переправляющегося через реку — едва ли могла спасти собственную шкуру.

— С каких это пор у тебя стала такая смелость?

Голос Ло Хань был тихим, но ледяным — до боли в костях, до оцепенения в сердце, словно повеяло арктическим ледником.

У Ло Юй мурашки побежали по коже, а раны на ягодицах снова заныли.

Зная за собой вину, Ло Юй не смела больше произнести ни слова.

Ло Хань шаг за шагом приближалась к ней. Охваченная страхом, Ло Юй невольно пятилась назад, пока не уперлась спиной в исцарапанную стену — отступить было больше некуда.

Лицо Ло Хань стало еще более устрашающим, чем прежде. Ло Юй опустила голову, ее грудь тяжело и судорожно вздымалась — она не представляла, какая кара ее ждет.

— Прости меня, я...

Ло Хань отвесила Ло Юй звонкую пощечину, сбив с ног, затем схватила за шиворот, рывком подняла с пола и поволокла к подножию пыточного станка.

Сгорая от ужаса, Ло Юй отчаянно запялась назад, но Ло Хань с размаху опустила кнут на ее ягодицы. Брызнула кровь, от резкой боли Ло Юй согнулась пополам и рухнула на пол, лишенная возможности пошевелиться.

Бесцеремонно вздернув ее на ноги, Ло Хань крепко связала ей руки толстой пеньковой веревкой и подвесила к деревянному станку.

Все тело Ло Юй теперь держалось лишь на запястьях, а носки туфель едва касались пола — она почти висела в воздухе над самым полом.

Ло Юй горько усмехнулась про себя: как переменчива удача! Не так давно здесь был привязан Маленький ангел, а не прошло и часа, как ее место заняла она сама. Единственная разница заключалась в том, что Маленького ангела сковывали тяжелые цепи, тогда как ее затянули грубой пеньковой веревкой. Впрочем, эта грубая веревка безжалостно терла нежную кожу запястий, причиняя боль ничуть не меньшую, чем железо.

За спиной раздался резкий свист рассекаемого воздуха, и тяжелый удар обрушился на тело.

Ло Юй испустила жалобный вопль, и ее тело непроизвольно зашаталось. Новый удар кнута полоснул от самых ягодиц до бедер — свежие припухшие рубцы мгновенно лопнули, наружу хлынула запекшаяся кровь, окрасив длинный черный ремень.

Посчитав кнут слишком длинным и неудобным для расправы, Ло Хань сложила его вдвое и нанесла еще несколько яростных ударов по белоснежным ягодицам Ло Юй. Сложенный пополам хлыст лежал в руке привычнее, а сила ударов возросла вдвое, ведь теперь один взмах равнялся двум уколам боли. Ло Юй невыносимо страдала: лопнувшей кожи и кровоточащих ран становилось все больше, багровые рубцы сплошь покрыли ее тело, являя собой жуткое зрелище.

Ло Юй затянула жалобный плач, переходящий в всхлипывания, но рука с кнутом не замедлила движения — напротив, удары посыпались еще чаще.

— Я виновата, а-а-ай, больно!

Хлыст уже пропитался кровью, которая тонкой струйкой стекала по бедрам вниз, до самых кончиков пальцев ног, чтобы капля за каплей падать на каменный пол.

— Умоляю, пощади меня, я больше... у-у, кхе, никогда не посмею!

На этот раз Ло Юй действительно было невыносимо больно — иначе она ни за что не стала бы так униженно вымаливать прощение. При ее упрямом нраве, не будь боль столь жгучей, она бы стиснула зубы и стерпела всё до конца, не издав ни звука.

— Теперь-то ты додумалась умолять меня о пощаде? А раньше? Раньше о последствиях не думала?! — прикрикнула Ло Хань, не ослабляя ударов.

— Ох-х, хватит, не бей больше! В следующий раз, в следующий раз я обязательно...

Лишь бы удары прекратились, она была готова на что угодно. Боль накрывала ее с головой, словно бескрайний океан, лишая воздуха, сводя с ума.

— Ты еще смеешь думать о следующем разе!

Этот удар пришелся точно по кровотокающей ране, рубцы снова раскрылись, а плоть разодралась еще сильнее. Беда не приходит одна: все ощущения тела сосредоточились на ягодицах, не оставив ничего, кроме крошечной, пронзительной боли.

Ло Юй зашлась в надрывном кашле, и каждое сотрясение отдавалось дикой болью в ранах на спине. Боль, боль, как же невыносимо больно!

Неподчиняющиеся воле слезы градом катились по щекам, капая на пол круглыми жемчужинами.

Свист рассекающего воздух кнута наконец стих.

Веревка была перерезана ножом, и Ло Юй рухнула на пол. Новая волна боли пронзила ее тело, а распухшие от тугих веревок запястья горели огнем — от малейшего прикосновения по ее лбу катился холодный пот.

Ло Хань отбросила кнут в сторону, и от этого простого движения лицо Ло Юй мгновенно побелело. Сегодняшняя порка надолго отбила у нее охоту испытывать судьбу.

— Меня от одного твоего вида тошнит! Проваливай и катись ко всем чертям! — крайне раздраженно бросила Ло Хань, изгоняя племянницу.

Хотя Ло Юй и была Молодым господином клана Ло, истинной королевой здесь оставалась Ло Хань: в хорошем настроении она позволяла той оставаться высокомерной барышней, а в дурном — безжалостно выгоняла вон, словно побитую собаку.

— Но... — голос Ло Юй дрожал, то ли от холода, то ли от пережитого ужаса, — на улице сильный дождь.

— Тем лучше, пойдешь и промокнешь под дождем, как следует подумаешь над своим поведением.

Сегодня Ло Хань была так зла, что готова была убить человека — попадись ей кто другой, он бы уже давно расстался с жизнью раз сто.

Ло Хань ушла, оставив Ло Юй одну-одинешеньку посреди пустой комнаты. Из-за ливня снаружи похолодало еще сильнее; ледяной стужа проникала в тело, смешиваясь с жаром воспаленных ран — поистине лед и пламя сошлись воедино, бросая ее то в жар, то в холод, отчего становилось мучительно тошно.

После долгих рыданий и мольб веки Ло Юй порозовели и слегка припухли, на бледном лице блестели капли прозрачных слез, а губы лишились даже намека на краску.

Снаружи было холодно, но на душе у Ло Юй — еще холоднее. После наказания ее не ждали ни горячий ароматный суп, ни заботливый уход, ни мягкая постель, ни дорогие целебные мази. Ее избили до полусмерти, но Ло Хань даже не побеспокоилась, не начнется ли жар от заражения крови, а вместо этого выгнала из дома в такую непогоду, в ледяную дождливую ночь.

Ло Юй было обидно до слез, так обидно, что хотелось зарыдать в голос, но она всё же сдержалась. Маленький ребенок, упав, горько плачет, если рядом находится мать — потому что знает: её пожалеют, утешат. Но если матери нет рядом, он лишь молча поднимется и отряхнет коленки, понимая, что сколько ни реви, никто к нему не подойдет.

Настроение Ло Юй сейчас было примерно таким же: раз некому посочувствовать и некому проявить жалость, то и слезы лить незачем. Перед кем ей плакать? Ло Юй горько усмехнулась про себя: лишь улыбка помогала скрыть ее внутреннюю хрупкость и обиду.

Ло Хань с детства держала ее в ежовых рукавицах, редко балуя лаской. Другие дети, упав, хныкали и капризничали, а родители жалели их, дули на ушибы, а напоследок покупали леденец на палочке, чтобы развеселить. В детстве Ло Юй, глядя на это, тайком мечтала: как же, наверное, счастливо, если мать сможет посмотреть на тебя вот так нежно?

И вот однажды она нарочно упала, содрав кожу на коленке до крови, и притворилась, что не может подняться. И чем все закончилось? Ло Юй до сих пор вспоминала об этом с усмешкой. Ло Хань даже не взглянула на нее, просто развернулась и ушла, велев Ло Первому передать, что если через три минуты она не перестанет валяться на земле, дома ей придется туго. Но у Ло Юй был упрямый характер: затаив обиду на мать за то, что та ушла, даже не обернувшись, она из вредности пролежала на улице до самого вечера.

В глубине души маленькая Ло Юй все же теплила надежду: раз она не возвращается так долго, может, мать забеспокоится, вернется поискать ее или хотя бы пришлет Ло Первого отнести ее на спине? Но действительность оказалась суровее ожидания. Она ждала и ждала, тянулись бесконечные часы, луна уже взошла высоко в небо, а за ней никто так и не пришел. Продрогшая и голодная на ледяном ветру под дождем, маленькая Ло Юй в конце концов не выдержала, сама поднялась с земли и поковыляла домой, хромя на обе ноги. Вернувшись домой, маленькая Ло Юй надувшись приготовилась было устроить допрос с пристрастием, но стоило ей увидеть ледяное выражение лица Ло Хань, от которого за версту веяло холодом, как её воинственный настрой разом уменьшился больше чем наполовину. В тот вечер маленькой Ло Юй крепко досталось от матери, после чего её вдобавок заставили стоять на коленях в углу. Тогда Ло Юй тоже ужасно обижалась, слёзы капали одна за другой, словно оборванные бусины жемчуга, а глаза и вовсе опухли и стали похожи на персики. В животе урчало от голода, тело била дрожь от холода, одолевала страшная усталость, а вдобавок жутко болело седалище. Однако в ту ночь Ло Хань занималась своими делами в стороне и не удостоила её даже мимолётным взглядом, не говоря уже о том, чтобы сказать хоть одно утешительное слово.

С тех самых пор Ло Юй поняла, что слёзы на Ло Хань не действуют вовсе — они вызывают лишь раздражение и нетерпение. В клане Ло слёзы были синонимом слабости и никчёмности. Сердце Ло Хань тоже было ледяным, оно не смягчилось бы и не пожалело её из-за боли и ран. Совершила ошибку — значит, должна понести наказание, таков был семейный устав клана Ло.

Отогнав воспоминания, Ло Юй невольно горько улыбнулась: нынешнее положение дел почти

ничем не отличалось от того давнего дня — она снова была уставшей, голодной, замёрзшей и израненной. Вот только на сей раз всё обстояло куда хуже: её вдобавок выгнали из дома на растерзание непогоде.

Ло Юй вздохнула: поистине, она сама во всём виновата. Сама заварила кашу — самой и расхлёбывать, винить некого.

Ло Юй немного полежала на животе, отдыхая, пока к ней хоть чуть-чуть не вернулись силы. О том, чтобы надеть джинсы, не могло быть и речи: эта грубая ткань натирала бы раны, и каждый шаг казался бы ходьбой по лезвию ножа — сплошное мучение.

Перед уходом Ло Хань бросила у двери свою чёрную накидку-плащ. Ло Юй доковыляла до выхода, подняла плащ и накинула его на себя. Чёрная накидка была толстой и очень тёплой, с мягким кроличьим мехом внутри и снаружи; даже касаясь рубцов от кнута на её заднице, ткань не натирала и не причиняла боли кровоточащим полосам. И главное — плащ всё ещё хранил тёплый запах тела Ло Хань. Ло Юй жадно втянула оставшийся на накидке аромат: возможно, это было единственное проявление тепла, доставшееся ей от Ло Хань.

Снаружи бушевала непогода, и не успело пройти и нескольких минут, как плащ насквозь пропитался дождевой водой, намокшей тяжестью прилипнув к телу и принося с собой пронзительный холод. У Ло Юй стучали зубы, лицо было измазано грязью, она уже трижды упала подряд.

Беспомощная Ло Юй была готова заплакать: кругом дикая глушь, ни единой живой души, а сама она ранена так тяжело, что сделать лишний шаг — уже испытание. Одинокая Ло Юй застряла под дождём; в столь необъятном мире её силуэт казался таким хрупким и крошечным. Перед лицом природы человек всегда был ничтожно малым, пренебрежимо малым существом. Потоки ливня размягчили почву, ноги Ло Юй снова скользнуло, и она покатилась вниз с небольшого холма. Ветки исцарапали ей ладони, но стоило крови выступить наверх, как её тут же смывал проливной дождь.

Она катилась до самого моста у подножия склона, где наконец остановилась. Руки были в грязи и запекшейся крови, и притворная стойкость окончательно рухнула. Ло Юй тихонько всхлипнула, а слёзы смешались с дождём — теперь уже невозможно было разобрать, где небесная влага, а где капли из её глаз. Стекавшая в рот вода казалась солёной и до жуткого горькой.

Словно выброшенный на улицу щенок — растерянная, беспомощная и охваченная страхом. Казалось, даже небеса насмеются над ней и издеваются, безжалостно обрушивая холодные струи дождя и беззастенчиво хлеща её покрытое ранами тело.

В такой одинокой, беспомощной и промозглой ночной тьме всё, о чём могла думать Ло Юй, сводилось к единственному человеку.

К человеку, который останется сидеть рядом с ней безмолвной тенью, даже если от неё

отвернётся весь мир.

Ло Юй набрала номер и сквозь слёзы выговорила:

— Я больше не могу двигаться.

— Ты где? Я сейчас же приеду за тобой. — В голосе Си Ци слышалась с трудом сдерживаемая тревога, а из динамика доносились тихие всхлипывания Ло Юй. Что же в конце концов произошло?

— Не бойся, я здесь. — Холодный, но чуть смягчившийся голос звучал как лучик зимнего солнца. Для беспомощной и отчаявшейся Ло Юй это и вовсе было единственным лучиком света во тьме, последним источником тепла среди суровой зимы.

Пока она рядом, небо не рухнет, и любая боль пройдёт. Пусть вокруг бушуют холодный ветер и ливень, одно её слово способно принести душе мир и покой.

— Ты можешь приехать побыстрее? — Можешь поскорее оказаться рядом со мной? Я правда так боюсь, я так беспомощна, я так сильно хочу тебя увидеть.

Чем сильнее было чувство беспомощности, тем сильнее она отчаянно рвалась услышать её голос, тем сильнее жаждала увидеть её холодное и прекрасное лицо, тем жаднее втягивала прохладный и такой успокаивающий запах её тела.

— Никуда не уходи, жди меня. — В трубке послышались быстрые, сбивчивые шаги Си Ци.

Добравшись до моста, Си Ци увидела именно такую картину. Потоки ливня яростно хлестали Ло Юй по голове, капли стекали по её мертвенно-бледному лицу; она сидела на корточках, прислонившись спиной к перилам моста — без их опоры её тело наверняка бы рухнуло на землю. Чуть великоватый плащ полностью укрывал её фигуру, делая её ещё более хрупкой, а дождевая вода размывала кровь из ран, из-за чего лужицы вокруг окрасились в бледно-алый цвет. Ло Юй крепко обхватила себя руками, губы её дрожали от холода. Издалека заметив силуэт Си Ци, она кое-как выдавила на лице кривоватую улыбку:

— Я промокла до нитки.

— Больше похожа на упавшую в воду собаку.

Тёплая рука Си Ци коснулась головы Ло Юй, она подалась вперед, закрывая её от большей части ветра и дождя. У Си Ци не было ни зонта, ни дождевика, и ливень безжалостно обрушивался на неё.

— Я и вправду брошенная хозяином собачонка, — горько улыбнулась Ло Юй. — Так что, подберёшь меня, хозяин?

— Хорошо.

Си Ци не стала говорить лишнего, лишь сняла собственную верхнюю одежду, накинула на голову Ло Юй, а затем присела и взвалила девушку себе на спину. Ледяные руки Ло Юй обвили её тёплую шею, от них веяло пронзительным холодом.

— Мои руки ведь очень холодные, да?

В голосе Ло Юй прозвучала лёгкая нотка вины. На Си Ци была надета лишь рубашка с коротким рукавом, в такую ненастную и ветреную ночь ей ведь тоже холодно, верно?

— Всё в порядке.

Си Ци всегда была немногословна, но ведь существуют вещи, которые вовсе не нуждаются в словах.

Сегодня ночью Си Ци была очень нежна. Пусть на её лице по-прежнему застыло холодное выражение, пусть слова звучали всё в том же ледяном тоне, но неизвестно почему Ло Юй чувствовала себя невероятно тепло и спокойно.

Сзади доносились сдавленные, тихие всхлипывания Ло Юй. Под рёв проливного дождя плач был едва слышен, почти тонул в шуме непогоды, но Си Ци уловила его предельно отчётливо. Они с Си Ци провели вместе чуть больше года, и она знала: Ло Юй вовсе не слабая и плаксивая женщина. Напротив, она была терпеливой и сильной; прежде, перенесла столь тяжёлые ранения, она всегда терпела в одиночку, не издавая ни звука, даже не обращая на них особого внимания. Однако этой ночью она всё же заплакала.

Что именно произошло? Си Ци очень хотела узнать, но спрашивать не стала. Если Ло Юй захочет — она сама всё расскажет, а если это было невыносимым, полным кошмаров прошлым, то зачем лишний раз беречь её старые раны?

Ло Юй и сама не понимала, почему сегодняшние слёзы никак не удавалось сдержать. Быть может, она слишком долго притворялась сильной, и маска наконец треснула. Быть может, она слишком многое вытерпела и теперь просто хотела как следует выплеснуть накопившееся. А может, всё дело было в том, что кто-то проявил о ней заботу, и ей захотелось капризно и безрассудно выплакаться.

— Тише, не плачь.

Си Ци умела убивать, владела искусством маскировки, разбиралась в сборке оружия и боеприпасов и обладала ещё множеством самых разных навыков, но перед слезами Ло Юй она оказалась совершенно беспомощна. И когда с её губ сорвались эти холодные и слегка неловкие слова, Ло Юй сквозь слёзы рассмеялась.

— Как хорошо, что ты рядом.

Ло Юй прижалась пушистой макушкой к плечу Си Ци, чувствуя себя всё больше похожей на щенка, которого новый хозяин забрал домой.

Дождь всё ещё лил, ветер продолжал бушевать, но Ло Юй казалось, что погода уже не такая холодная, а её тело, прижатое к телу Си Ци, излучало столько жара, столько тепла.

На тихой безлюдной дорожке Си Ци несла Ло Юй на спине, медленно продвигаясь вперёд, и казалось, во всём мире остались только они вдвоём.

Вернувшись в комнату, Си Ци уложила Ло Юй на кровать, бросила ей на голову чистое полотенце и принялась аккуратно промокать капли воды.

Ло Юй сидела смирно, словно послушный щенок, не смея шевельнуться, полностью доверив свои волосы новому хозяину.

Однако, когда Си Ци приподняла её плащ-накидку, собираясь осмотреть раны на теле, Ло Юй вдруг отпрянула, судорожно запахнув накидку и покраснев. Во время наказания ей ведь сняли штаны, и сейчас под плащом она была совершенно нагой, без единой одежды.

— Да ничего страшного, так, пустяковая рана, просто намажу лечебной мазью, и всё, — упрямо продолжала хорохориться Ло Юй. Ранение — дело второстепенное, а вот лицо потерять нельзя.

Си Ци приподняла брови, не веря ни единому слову: ещё недавно та едва держалась на ногах от болезни, а на плаще до сих пор оставалось столько крови.

Заметив, что Си Ци молча выжидает, приподняв бровь, Ло Юй решила, будто та уже успела что-то разглядеть. В этот момент она внезапно вспомнила, что её нижняя часть тела обнажена, а бёдра и ягодицы покрыты сочащимися кровью следами. О небеса, да Сяо Ци небось подумает невесть что! Решит, что она — сбежавшая из какого-то клана Ло любимая рабыня знатной особе, которую затискали... довели до такого состояния, что у неё даже сил идти не осталось...

Лицо Ло Юй мгновенно залилось краской, язык стал заплетаться:

— Э-э, понимаешь, ты... ты не думай лишнего, всё совсем не так, как тебе кажется!

Она столько времени скрывала свою личность, и теперь Си Ци наверняка думает, что всё дело в её чересчур щекотливом положении, о котором стыдно говорить. Самое ужасное, что она ведь сама только что назвала себя выброшенным хозяином щенком — Сяо Ци теперь точно решит, что она чья-то игрушка!

— Я вовсе не выдрессированная игрушка! Кровь от ударов кнута, но это точно не те БДСМ-шные... апчхи! В общем, что бы ты ни вообразила, ты точно ошибаешься!

На самом интересном месте Ло Юй громко чихнула.

А-а-х!

<http://bllate.org/book/20768/2083891>